

Op 84

B-67

Николай Волженцев

Чернорезенски кокурки

ор 84
В-67
ор 84

Николай Волженцев

270-летию села Черноречья посвящая...

84(2Рос = Рус)6-4
+ ор 0(-50рен)

Чернореченски кокурки

Рассказы, легенды, сказы, байки
казачьей станицы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им.Н.К.КРУПСКОЙ"

Оренбург

ООО «Печатный дом «Димур»

2006

а-291558

15

Русь моя – Черноречье

Черноречье – старинное русское уральское село. Казацья станица, основанная гораздо раньше Оренбурга – в 1736 году.

Жители станицы Чернореченской, казаки, зачастую оказывались в водовороте бурных событий. Постоянная охранная служба на рубежах Российской империи – борьба с набегами кочевников, неоднократные походы казаков в Среднюю Азию.

Во время народного восстания под предводительством Емельяна Пугачева чернореченцы активно поддержали и перешли на сторону восставших. Чернореченские казаки участвовали в Отечественной войне 1812 года, в Русско-турецких войнах, в том числе в Балканской освободительной войне 1877–1878 годов. Событие Русско-турецкой войны 1828–1829 годов нашло отражение в песне «Взятие Браилова», записанной в 1888 году собирателем песен Н.К. Бухариным в селе Черноречье от казака И.И. Мелехова. Возможно, что эту песню сложили чернореченцы. В составе оренбургских казачьих частей чернореченские казаки стояли на северо-западных рубежах России во время Русско-германской войны 1914–1918 годов.

Маленькая частичка обширной страны, небольшой уголок земли – уральское село перенесло, как и многие села, деревни, города России, все потрясения, которые волнами,

порою шквальными, разрушительными проходили через наше многострадальное государство: гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война 1941—1945 годов.

Гражданский раскол 1917 года прошел через каждую семью. Государственные люди — казаки — были втянуты в кровавую междоусобицу. Был потрясен весь казачий край. И с той, и с другой стороны гибли русские люди. Часть казаков, верная укладу и вековым традициям Оренбургского казачьего войска, после поражения белых армий ушла за границу. Оренбургские казаки расселялись в Китае, Австралии, в Америке. Среди них были и чернореченцы. Село уменьшалось, таяло.

Сильный удар по селу нанесла и коллективизация. Рачительные хозяева, любящие землю и труд, шельмовались как кулаки, подвергались притеснениям, гонениям. «Кулацкие» семьи насильно, под конвоем вывозились из родных мест. Их отправляли на жительство в отдаленные, непригодные для земледелия и жизни места, чаще всего северные области страны. Мало кто, даже из оставшихся в живых, после ссылки возвращался на родину. Неоднократно по нашему краю проходили «чистки». Могли репрессировать только за то, что человек был в прошлом казаком. Принадлежность к казачьему сословию близких родственников тоже грозила бедой, особенно тем людям, у кого кто-то из родных — дед или отец — были офицерского звания — из «белых».

Нельзя было на гуляньях петь старинные казачьи песни. Наказывали и преследовали и за это.

И все же, несмотря на такие жестокие обиды, чинимые новой властью жителям уральских станиц, бывшие уже казаки и их потомки во время Великой Отечественной войны достойно, честно защищали свое Отечество. В тылу, как в селах, так и в городах, женщины, инвалиды и дети несли на себе все хозяйственное тягло. Так было и в нашем селе. Сколько лишений пришлось перенести русским людям!

Мощные удары, наносившиеся по нашему укладу постоянно с 1917 года по нынешнее время, почти до основания разрушили русские нравственные устои, русское нравственное сознание, духовные ценности, которые вырабатывал, определял народ веками. Шло разрушение религии. Атеистическая борь-

ба шла силой. Разрушались церкви, мечети. Преследовались и репрессировались священники и верующие. Не обошла судьба этой трагической стороной и село Черноречье. В 1934 году чернореченская церковь была закрыта и превращена в зернохранилище, а в военные годы использовалась как конюшня.

Село все больше скудело. В конце пятидесятых молодежь стала уходить в город. Прочувшись, ребята и девчата или оседали в городе, или по окончании техникумов, институтов по распределению уезжали в другие районы.

Строительство газоперерабатывающего завода по соседству как бы довершило распад и поставило последнюю точку в порухе села. Почти вся молодежь, да и люди среднего возраста перешли на работу в это предприятие, уехали жить в город.

Газзавод оставил и продолжает оставлять следы своего разрушающего действия на природу. Лес по Уралу вырублен, из-за засорения полей сточными водами завода земля перестает рожать хлеб. Выбросы в воздух вредных веществ заставляют сельчан искать для жительства другие, более благоприятные для здоровья места.

А ведь издавна и по недавнее время Черноречье было одним из красивейших сел Урала. Еще И.П. Рычков — это более двухсот лет назад — отмечал красивое и удобное местоположение села. В 1742 году, при выборе места под строительство города Оренбурга, высказывалось мнение о закладке его на месте Чернореченской крепости.

Мало осталось коренных жителей в селе, но живо пока Черноречье. Поются еще, к счастью, здесь и старинные песни.

Жалость, гордость, любовь, счастье, удачи, неудачи, слезы, шутки — все это присутствует в казачьей песне. Событие издали, из поколения в поколение, через поколения переданное, выделенное нравственной значимостью, приходит к нам песней. Через чужую, из прошлого судьбу поверяет человек и свою сокровенную боль, и радость близкому ли другу, земляку или гостю, может быть, первому встречному, к которому доверчиво потянулась высказаться песней русская отзывчивая душа. Песни, рассказывающие о событиях в станице, порой озорные, полные ухарства и удали, пренебрежения к опасностям и страху, порой — полные глубоких переживаний, грусти и скорби.

Неспроста старики и старушки пели нам, еще мальчикам, старые песни, рассказывали песней о своей поре. Хотели они, чтоб помнили, знали мы о той, прежней жизни, о них — наших дедах и прадедах, знали свои обычаи, берегли их, гордились своим прошлым, своим краем; постоянно чувствовали, не забывали свою принадлежность к уральской земле, потомственному сословию защитников государства — ратников и хлебопашцев.

И не только песней говорили об этом. Нравственной потребностью русского человека и как бы обязанностью старшего поколения, традицией было передавать молодым подрастающим землякам, сельчанам истории, легенды, поднимающие вес и уважение, значимость своих родных и близких, значительность рода, гордость за него.

В семейных рассказах о близких родичах, особенно из старшего поколения (отцах, дедах), подчеркивались в характере черты, обязательные для казака и присущие ему: мужество, находчивость, смелость, умелость, мастеровитость, трудолюбие, строгость и нравственность.

Но уважались и ценились храбрость, удадь. Не осуждались гульба и бражничество, но умеренно, не во время службы, в свободное от дел хозяйственных и государственных.

Берегли казаки свой уклад, по родословной знали и помнили о своих далеких предках — первопоселенцах, основателях родной станицы, с той поры поведших казачий род здесь, на степной реке. Много столетий и до сих пор живет среди жителей уральских станиц легенда о зарождении казачества на Урале. Знают ее и старожилы села Черноречья.

О том, что составляло повседневную жизнь, и говорили сельчане друг другу, а в праздники и пели все о ней — своей жизни. Любовь к родному краю, к родной речи воспитывалась и этой землей, и словом земляка, порой, может, крепче, чем за школьной партией, где рассказывалось о родине тоже и тепло, и душевно, искренне учителем и книжками.

Беседа разгоралась везде. И в поле, в посевную и уборочную, во время передышки от работы, и в лесу на поляне в сенокосную пору, и на огородных работах, и у станичной избы при сходке, у мельницы в ожидании очереди на помол зерна,

и даже возле пожарки, куда в свободное время приходили сельчане посидеть на бревнышках, отдохнуть.

В советскую пору собирались возле правления колхоза, сельпо, сельсовета, магазинов по делу или без дела — просто поговорить, отвлечься от своих забот, подтрунить над собой ли, соседом — годком¹, по случаю бросить добрую или едкую, но весёлую шутку кому-то из землячков, а поводов для шуток и веселья у казачков всегда в избытке.

И льются рассказы, были и былины из жизни сегодняшней и прошлой. Рот не разевай, уши востри — примечай, запоминай, схватывай. Родная русская народная речь!

Каждая пора нашего села помечена рассказами. Богатый, сочный, резкий, мужественный казачий язык! Сейчас окающий говор в селах Урала исчезает. Характерная речь гаснет, уходит, теряется навсегда. Только старики и старухи хранят её, говорят прежним привычным, забытым нами напрочь языком. Но уже мало осталось их, помнящих старую речь, стариков и старух.

Многое безвозвратно исчезло. Какой огромный казачий эпос — свидетельство уклада казачьего, жизни и быта — мог быть собран, если бы в прошлом — и далёком, и близком нашим дням — велись записи рассказов жителей станиц, каждого человека, каждой казачьей семьи.

Конечно, собранные мною в эту книгу сказы и байки землячков, рассказы моих родителей о себе, о своей родне, мои впечатления, наблюдения в записях, порою мимолётных, штрихами, не дадут полного представления о жизни казаков и их потомков, об укладе старинного уральского села. Но надеюсь и хочу верить, что они донесут читателю ещё оставшиеся, сохранившиеся черты казачьего уклада, богатого, щедрого казачьего характера и моей милой станицы — Черноречья.

¹ Годок — ровесник, одногодок.

I

Чернореченски кокурки

*Ах, время, увы, не покатится вспять
И в памяти только вернуться к нам может.
Былое зовёт нас опять и опять,
Печалью и радостью снова тревожит.*

Н. Волженцев

Конец марта. На улице сумрачно. Небо заволочено густыми, грузными тучами. Идёт дождь. Льёт, льёт, льёт. Ветер налетает на дома, гремит жестью балконов. Промозгло за окном — и от этого ещё теплей и уютней в комнате.

Грустно. Гляжу на широкие мутные потоки воды, заполнившие улицы. Тёмный тающий снег клочками лежит меж сумрачными серыми зданиями, на клумбах, на асфальте. Многоэтажные дома отражаются в белёсых, свинцово поблескивающих лужах.

Так хочется от этого весеннего, унылого городского пейзажа на простор, в поле, в село. Увидеть холмы в чёрных проталинах, жёлтый осунувшийся снег в степи, следы в сугробах, наполненные зеленоватой, прозрачной водой. Бесконечные наледи, лужи на речке и в оврагах, тонкие прозрачные ручейки, посреди дороги пробивающие путь по машинным и санным следам. Мокрые блестящие деревья, с которых мерно, медленно, словно слёзы по зиме, стекают, срываются дождевики. Чёрный, как уголь, невдалеке лес, дикие, унылые орды намокшего репейника вдоль оврагов и заброшенных сараев. Потемневшая, сгорбившаяся под дождём крыша погребушки. Глухой стук закрываемых ворот родительского двора...

Чернореченски кокурки¹

От села нашего Черноречья до Урала километра два, а виднеется близёхонько. И на высокое место ходить не надо: заберёшься на худющий сараишко, и вот он — сверкает, блестит излучиной.

Раньше по реке суда ходили, катера тянули за собой баржи. Заходили и к нам — было место для причала, называлось Лопатино: ступени в обрывистом яру до самой водицы. Подчаливайте, катера, бросайте, матросы, якорь, пожалуйста на палубу все желающие!

До города тогда добирались или посуху, на лошадях, или по Уралу, на катере. Другого транспорта не водилось. А в город, хочешь не хочешь, раз в месяц съездить надо. Одежку-обувку себе и детишкам, ситчику на платье, драп на пальтишко, занавески на окна, одеяло, шило-мыло... да мало ли чего. Да и свой «товар» в городе сбыть можно. А какой у сельчан в летнее время «товар»? Молоко. «Ключевские», те возили в город сливки, сметану, масло. А наши бабы только топлёное молоко.

Славилось наше молочко: душистое, сладкое, с сочной пенкой. Не ленились бабы ездить в город. Готовились загодя — за неделю, за две. Чугунами томили, «топили» в печи молоко. Чтоб не пропало, не сквасилось, опускали в набитый снегом погреб.

Накопив, сливали молоко в бидоны, собирались в дорогу. Метили в город в «базарные» — субботние да воскресные — дни.

Катер подходил под вечер. Зачастую по два десятилитровых бидона на каждом конце коромысла несли деревенские женщины. Крючками гнулись бабоньки под тяжестью, уже сумерками спускаясь к ожидающему у берега транспорту. Не умещались в катере — саживались в барже.

Трап убирался на зарянке, когда, уgomонясь и крепко устроившись в каютах, бабы спали — до просыпа в Оренбурге. Катер отчаливал, вода за бортом шумела, ритмично хлюпала. Гулко, временами захлёбываясь, гудел мотор. Сон на заре ещё больше вязал души чернореченских предприимчивых торгов. Шум, плеск воды, рокот мотора баюкали спящих.

Неторопливо, смутно проступали из темноты крутые обрывы берегов, яров. Невидимо, слитый с ночью, близко к берегу подходил лес. Ветки низко провисали над яром — доставали, шупали, хлестали по крыше каюты. Катер тихо, не спеша, упорно двигался против течения — всё ближе и ближе к городу.

Шуршала галька под днищем, сквозь сон пассажиры улавливали глухие, отрывистые голоса: говор матросов, которые, с бортов упираясь шестью в дно реки, отталкивали в глубину врезавшийся в мель переката катер. С надрывным гулом мотора катер пятился, сползал, отходил от мели. Рейс продолжался. Полуразбуженные внезапной остановкой пассажиры вновь уходили в дремоту, сжимались, кутались от подступающего предрасветного холода.

За окошком каюты синело, отчетливо проступали из посветлелой мглы очертания берегов, становилась видна водная дорога впереди и сзади катера.

С протяжными гудками входил катер в проём огромных быков железнодорожного моста перед городом. В дымах, ещё размытых серым утренним сумраком, вставал город, над которым уже выкатывался малиновый, чужой, недеревенский шар солнца.

И вот пристань. Позёвывая, ёжась от холода, гремя бидонами, сходили бабы на берег. Договаривались между собой держаться вместе и снова, сгибаясь под коромыслами, мерно, неторопливо, гуськом двигались по Чернореченской улице, держа путь к базару. Некоторые отклонялись от проторённого

маршрута, шли к давно облюбованным местечкам, где их ждали постоянные покупатели, старые знакомые, — и начиналась торговля.

— Кому молочко топлёное? — нажимая на своё упорное, чернореченское «о», созывали они покупателей. Угодливо обращаясь к покупателям, меняли в говоре своё деревенское «о» на городское «а».

— Пажалуста, папробуйте молочка. Скусное, пандравится, гражданочка.

«Гражданочка», городская особа, освободив от сумочки руку, манерно выгибала ладошечку и говорила:

— Покушать можно?

Чернореченская молочница половничком капала на подставленную ладошку молочко. Гражданочка подносила её к губам. Откушав, отпробовав, с капризным видом приценивалась, спорила, но соглашалась на установленную торговкой цену.

Крепко докучали, поднимали и дразнили деревенских торговков городские ребята. Нажимая на «о», кричали вслед:

— Чернореченски кокурки пошли!

— Чернореченски кокурки!..

— Чернореченски кокурки!..

Сельские мальчишки, впервые попав в город и ещё не освоившись, оторопело принимали встречу, устроенную им городскими сверстниками. Вцепясь в юбки матерей, они выслушивали обидные выкрики в свой адрес, терпели, затравленно озирались среди незнакомого люда и неуютных городских улиц. Постоять за себя и дать обидчикам сдачи ещё не решались — осматривались пока.

Продав свой «товар», бабы обходили магазины и базар, покупали ткани для шитья, примеряли одежду и обувь взятым с собою детишкам. Готовили гостинцы оставшимся дома: мармелад, повидло, коврижки, печенье, бублики, кренделя, булки, сушки. Брала колбасу. Городского, испеченного кирпичиками хлеба набирали мешками, чтоб надолго хватило. Сподручнее купить готовый хлеб, чем затевать дома свой. Отходила пора домашней выпечки калачей, караваев...

Набив сумки и узлы покупками, навешивали их на крючья коромысел, где уже болтались и громыхали пустые бидоны из

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66